

УДК 343.3.7

Терроризм в уголовном праве: определение, законодательная регламентация и вопросы совершенствования законодательства

Сидоров Б.В.

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Куршин В.Г.

Руководитель следственного управления Следственного комитета
при прокуратуре Российской Федерации по Республике Татарстан,
государственный советник юстиции второго класса

Исследуются актуальные вопросы проблемы терроризма в уголовном праве, носящие дискуссионный характер: толкование основных терминов, наиболее часто используемых в процессе исследования проблемы, отражение их в уголовном и ином федеральном законодательстве; регламентация террористической деятельности в УК РФ; систематизация и квалификация преступлений террористического характера; совершенствование уголовного законодательства о противодействии терроризму; формулирование нового определения терроризма и террористического преступления.

Ключевые слова: терроризм, политический, международный и государственный терроризм, террор, террористическая деятельность, преступления террористического характера, содействие террористической деятельности, национальный и религиозный экстремизм, ваххабизм.

Два последних десятилетия отмечены глобальными социальными, экономическими и политическими изменениями, как правило, негативного характера, в нашем многострадальном Отечестве и в целом на нашей планете. Они коснулись коренных основ социально-экономических отношений, взаимоотношений между «власть придержащими» и народом, между социальными группами, международными отношений, духовной жизни людей, их идеологии и повседневной жизни. Вместе с «оранжевым» беспределом свободы, навязанным миру процессом демократизации общества по американскому образцу и разрушительной «перестройкой» в нашу жизнь вошли такие знаковые проявления Зла, как поразительное материальное неравенство и фактическое неравенство при формально провозгла-

шенном равенстве; эксплуатация и нищета тружеников и целых народов; вопиющая несправедливость; обесценивание жизни людей и их безопасности. Назойливо зазвучали противные здравому смыслу славословия национальному и религиозному экстремизму, внося тревогу в сердца людей, зомбируя неискушенных и наивных; стали привычными акты терроризма, приобретшие масштабный и транснациональный характер.

В нашем однополярном мире стал практиковаться государственный терроризм. Неуважительность представителей одной цивилизации к социальным ценностям другой цивилизации стала провоцировать войны и терроризм в мирное время.

Таким образом, как справедливо замечает Р.Х. Макуев, «терроризм вобрал в себя в концентри-

рованном виде все сколько-нибудь заметные противоречия современности [1, с. 43-49]».

Проводя исследования терроризма, необходимо договориться о терминах. Например, определить такие понятия как «терроризм», «террор», «террористическая деятельность», «преступления террористического характера» и т.п., установить соотношения между этими понятиями.

В основе определения терроризма лежит понятие «террор» (от лат. *terror* – страх, ужас). Этот термин уже в самом этиологическом значении имеет психологическое содержание. Но состояние страха или ужаса есть результат внешнего поведения кого-либо, вызывающего указанное стрессовое состояние у других людей. Следовательно, «террор можно определить как устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения, жесткое запугивание [2, с. 796]. Иными словами, «*террор*» – крайняя, наиболее жесткая форма проявления актов насилия, иного физического или психического воздействия на жертву, имеющая цель ее устрашение, запугивание, а не только политика репрессий со стороны государства, опирающаяся на мощь своих силовых институтов, как об этом пишет Е.П. Кожушко [3, с. 9-10], оружием которого являются репрессии*. Это само оружие, носящее стрессогенный характер. Это своеобразная форма деятельности, носящая промежуточный характер и замыкающаяся на достижении определенного стрессового состояния.

Террор – это необходимая составная часть терроризма, т.е. сложной деятельности, при осуществлении которой лицо с помощью устрашения непосредственно противника или опосредственно через устрашение населения стремится добиться конкретной перспективной цели.

Термин «терроризм» толкуется как политика и практика устрашения, запугивания противников посредством насилия, физического уничтожения, угрозы насилия и иного принуждения для достижения политической или иной цели (например, получение материальной выгоды) [6, с. 401; 7, с. 733-734].

В террористической деятельности террор используется лишь потому, что он способен посеять в обществе состояние страха, тревоги, привести к тому, что «клиент созреет» и станет сговорчивым. Выбирается самый жестокий и эффективный способ воздействия, связанный с противоправным насилием.

В ч. 1 ст. 3 («Основные понятия») Федерального закона № 35-ФЗ от 26 февраля 2006 г. «О противодействии терроризму» последний определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти,

органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением и (или) иными формами противоправных действий». Важной составляющей терроризма, сделавшим его «востребованным», является *пропагандистский эффект создания страха среди населения*, что усиливает возможности воздействия на принятие решения указанными органами путем мотивированного противоправного насилия. *В основе терроризма лежит стремление лица посеять у окружающих, других людей страх, панику, парализовать нормальное функционирование органов власти и управления, общественно-полезную деятельность граждан ради достижения своих антиобщественных целей.*

Терроризм, как правило, совершается для достижения политических целей. П.А. Кабанов даже дает определение политического терроризма, рассматривая его как «совокупность насильственных уголовно-наказуемых деяний, совершаемых субъектами политики в целях изменения, прекращения деятельности конституционных органов государственной власти, высших должностных лиц национального или иностранного государства, либо видных политических деятелей (...), либо изменения внешних или внутренних границ государства...» [8, с. 11]. Ценность этого определения минимальна, поскольку в нем не нашли четкого отражения основные признаки терроризма как соответствующего явления и деятельности.

Понятие «терроризм» имеет собирательный характер. Безусловно, права Т.Б. Исаева, указывая, что суффикс «изм» придает значению слов в русском языке обобщающий смысл. Следуя логике русского языка, – пишет она, – «терроризм – это сложное обобщающее понятие, обозначающее не действие и даже не сумму действий, а некое явление нашей общественной и государственной жизни» [9]. Терроризм, по мнению автора, есть многоструктурное идейно-политическое, социальное явление в обществе, направленное на разрушение существующей государственно-политической системы страны и использующее наиболее общественно опасные противоправные методы и средства для достижения своих политических целей [9]. Аналогичное по своим основным характеристикам определение международного терроризма автор даёт, выделяя в нем лишь направленность этого явления на разрушение существующей международной государственно-политической и цивилизационной системы [9].

Конечно, *терроризм – это системное явление, в котором соединились идеологическая, политическая, нравственно-ценностная, психологическая, этнокультурная и другие подсистемы.* Однако указание автора на стремление террориста достичь «политических целей» существенно сужает природу этого социального явления, а указание в общей форме на использование при этом «наиболее общественно опасных противоправных методов и

* Аналогичного мнения придерживаются Г.В. Новикова [4, с. 171] и И.М. Ильинский [5, с. 23, 27-28, 37, 39].

средств» не дает основание утверждать, что автор включил в данное определение такой обязательный признак терроризма, как террор.

С этих позиций более удачным представляется определение терроризма, предложенное М.А. Комаровой, по мнению которой, это «системное политически или социально мотивированное, идеологически обоснованное использование насилия или угрозы применения насилия, посредством которого через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении для достижения преследуемых ими целей» [10, с. 237].

Менее удачно автор определяет указанное понятие с точки зрения уголовного права, признавая таковым «грубое нарушение законности, общественно опасное деяние, совершенное с использованием крайних форм насилия» [10]. Столь широкое и во многом неопределенное описание уголовно-правового понятия терроризма позволяет отнести к нему деяния, не имеющие к нему никакого отношения.

В действующем уголовном законодательстве России, как известно, нет определения терроризма, а формулируется лишь понятие террористического акта (ст. 205 ч. 1 УК РФ). Это правильно, ибо *терроризм – не отдельный акт поведения, а деятельность, т.е. система деяний террористического характера, среди которых террористический акт является отдельной формой проявления терроризма.*

Террористический акт – особый, наиболее тяжкий вид террористической деятельности и преступлений террористического характера. Его разновидностью является посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), именованного в предыдущем уголовном законодательстве террористическим актом. Положения, предусмотренные ст. 277 УК, составляют *специальную норму* по отношению к тем нормативным положениям, которые содержатся в ст. 205 УК. Из этого следует:

1) при конкуренции указанных уголовно-правовых норм предпочтение отдается специальной норме;

2) в случае убийства, указанного в ст. 277 УК потерпевшего с указанной целью, совершенного общеопасным способом, содеянное следует квалифицировать *по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 277 и п. «б» ч. 3 ст. 205 УК;*

3) целесообразность дополнения ст. 277 УК частью второй, в которой, в частности, следовало бы указать *в качестве квалифицирующего признака этого преступления его совершение общеопасным способом* («путем взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели людей ...»).

Федеральный закон о противодействии терроризму от 26 февраля 2006 года определяет виды

террористической деятельности, среди которых он указывает:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию *террористического акта;*

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации *террористического акта*, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации *террористического акта;*

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость такой деятельности (ч. 2 ст. 3).

Анализ указанных в данной нормативной правовой норме видов террористической деятельности (терроризма) свидетельствует о том, что законодатель включил в состав такой деятельности различающиеся по своей самостоятельности, месту и роли в системе составляющих ее деяний, а также правовой природе группы негативных актов поведения:

1) *самостоятельные виды терроризма, предусмотренные уголовным законом*, – террористический акт как основной и наиболее тяжкий его вид (ст. 205 УК), организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК), организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ст. 210 УК);

2) *вспомогательные виды деяний, содействующие совершению террористических актов*, которые охватываются более широкой уголовно-правовой нормой, предусмотренной ст. 205 УК, и могли бы рассматриваться как *этапы совершения террористического акта или виды соучастия в нем* – организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация *террористического акта*, подстрекательство к нему; организация, указанных в п. «в» ч. 2 ст. 3 Закона, *видов организованной преступности, в том числе организованной группы, для реализации террористического акта*, а равно участие в такой структуре; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации *террористического акта;*

3) *вспомогательные виды деяний, способствующие существованию и развитию террористической деятельности*, – вербовка, вооружение, обучение и использование террористов, пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или

оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Анализ структуры террористической деятельности в Федеральном законе от 26 февраля 2006 года дает основание утверждать, что позиция законодателя в этом вопросе не логична и не соответствует не только внутреннему (национальному) уголовному законодательству, но и международному праву.

Так, включение в систему деяний составляющих в своей совокупности террористическую деятельность или терроризм как деятельность, наряду с основными деяниями (террористический акт), носящими автономный характер, действий, которые непосредственно не входят в содержание первых, а лишь способствуют существованию и жизнедеятельности терроризма как системы деяний (пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость такой деятельности и т.п.), делает такую систему аморфной, неопределенной, непригодной как для функционирования, так и для изучения.

Законодатель счет возможным определить в структуру террористической деятельности такие самостоятельные деяния, как организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) или участия в них, являющиеся сами по себе видами организованной преступной деятельности, правда, указав при этом, что эти структуры создаются только для реализации террористического акта. Это наводит на мысль о необходимости дополнения УК нормами об ответственности за организацию террористической организации и ее деятельности или участие в ней, как самостоятельных видов такой деятельности. Этот шаг законодателя был бы весьма целесообразным, учитывая, что важной особенностью современного терроризма является четкая структура и организация.

Террористические организации создают единые руководящие органы, систему управления, планирующие подразделения, налаживают информационно-пропагандистское обеспечение, ведут работу по отбору и подготовке сторонников, активных функционеров и боевиков и т.п. Наконец, ответственность за организацию террористической организации и её деятельности не менее важна, чем существующая ответственность за организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) и организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ). Как подчеркивается в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, среди основных тенденций современного терроризма выделяются: «повышение уровня организованности террористической деятельности; создание крупных террористических форми-

рований» и «усиление взаимосвязи терроризма и организованной преступности, в том числе транснациональной (ст. 1 ч. 1. п.п. «г» и «д» Конвенции).

Кроме того, система террористической деятельности, представленная в ч. 2 ст. 3 Федерального закона о противодействии терроризму, не соответствует тому, что предусматривает ст. 205.1 УК РФ, из которой видно:

1) преступления, предусмотренные статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК, представляют собой самостоятельные виды, а в совокупности – систему преступной террористической деятельности;

2) такие вспомогательные виды деятельности, как склонение, вербовка иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из указанных преступлений, вооружение или подготовка к ним, а равно финансирование терроризма, именуется деяниями, содействующими террористической деятельности. Отмеченные расхождения, допущенные законодателем в понимании термина «террористическая деятельность» («терроризм»), представляются существенными и требуют устранения путем внесения соответствующих изменений и дополнений в Федеральный закон о противодействии терроризму.

Этот же систематизированный закон России следовало бы также:

1) дополнить подсистемой уголовно-правовых норм об ответственности за террористическую деятельность («преступления террористического характера») в редакциях, соответствующих общему определению терроризма и включающих в себя все основные объективные и субъективные признаки, а также нормами об ответственности за содействие террористической деятельности;

2) сформулировать в нем в качестве преступлений террористического характера нормы об ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) и организацию деятельности такого сообщества (такой организации), отказавшись от включения преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, в число преступлений террористического характера, так как само по себе оно не содержит основные признаки терроризма, заключенные в основе его законодательного определения, которое, впрочем, также нуждается в коррекции.

Исходя из вышеуказанных соображений, при определении терроризма, как исходной теоретической и законодательной базы для установления круга деяний, составляющих систему преступлений террористического характера, формулирования конкретных видов таких преступлений и установления круга уголовно-наказуемых деяний и административных правонарушений, содействующих террористической деятельности, следует учесть, что:

1) терроризм – это и явление, в котором как в системе соединились социальная, идеологическая,

политическая, нравственно-ценностная и психологическая составляющие, и деятельность, в которой реализуется терроризм как явление;

2) терроризм в уголовно-правовом смысле – это, конечно, деятельность, в основе которой лежит террор как форма совершения деяний и метод достижения определенной политической или иной социально-негативной цели: форма деяний – насилие, вплоть до уничтожения, жесткое запугивание, иное физическое или психическое воздействие на жертву, выражающие приверженность виновного к крайним мерам; метод такой деятельности – устрашение и деморализация общества или международного сообщества;

3) терроризм – это деятельность, имеющая целью оказание давления на принятие решений органами власти или международной организацией, достижение более отдаленной, идеологически мотивированной цели путем социального устрашения;

4) для террористической деятельности, как правило, характерны публичность, демонстративность совершения соответствующих актов поведения;

5) целенаправленность такой деятельности дает основание утверждать, что она осуществляется с прямым умыслом. Это обстоятельство не позволяет использовать термины «деятельность террористической направленности» или «преступления террористической направленности», которые нередко встречаются в научной литературе, вместо терминов «террористическая деятельность» или, соответственно, «преступления террористического характера». Именно «террор» как метод достижения цели придает деятельности лица террористической характер;

6) террористическая деятельность лишь тогда может рассматриваться как система преступлений террористического характера, когда соответствующие деяния запрещены уголовным законом государства и (или) соответствующими международными нормативными правовыми актами;

7) террористический характер преступлений, их совершение общеопасным или иным опасным способом, угрожающим наиболее важным интересам общества, государства, международного сообщества, указывают на то, что основными объектами таких посягательств являются общественная, национальная (государственная) безопасность и правопорядок в стране либо международная безопасность и миропорядок.

В Концепции правоохранительного терроризма в Российской Федерации подчеркивается, что общегосударственная система противодействия терроризму «направлена на защиту основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации» (ст. 2 ч. 6 Концепции).

В эпоху глобализации терроризм утрачивает «национальное лицо» за счет активного вовлечения иностранного элемента, в связи с чем стирается грань между терроризмом национальным и международным. Однако это вовсе не значит, что следует поддерживать встречающиеся в юридической литературе рекомендации об объединении в одном разделе или даже в одной главе УК РФ всех преступлений террористического характера, что возможно и, очевидно, даже желательно сделать в Федеральном законе о противодействии терроризму, но не в уголовном кодексе, поскольку в одном разделе, тем более в одной главе недопустимо помещать нормы об ответственности за преступления, посягающие на различные объекты [общественная безопасность, государственная (национальная) безопасность или международная безопасность и др.].

Сделанные замечания относительно сущности и признаков терроризма в уголовном праве позволяют выработать приемлемое определение террористического преступлений или преступлений террористического характера на национальном и международном уровнях.

Т.Б. Исаева, например, считает, что «террористическое преступление – это совершенное общеопасным способом любое преступное деяние против жизни, психического и физического здоровья одного и более лиц, сопряженное с публичным нагнетанием в обществе настроений страха и безысходности, направленное против существующего государственного порядка и государственной власти, с целью принуждения принятия ею решений в политических интересах террористов [9].

Давая криминальное определение терроризма, которое может рассматриваться как основа определения террористического преступления, некоторые авторы [5, с. 39; 11, с. 34-39] выделяют следующие обязательные признаки терроризма:

1) общая опасность, возникающая в результате совершения общеопасных действий или угрозы таковыми;

2) публичный характер совершения таковых;

3) устрашение, создание обстановки страха;

4) применение общеопасного насилия или его угрозы в отношении одних лиц (или имущества) и оказание психологического воздействия в целях принуждения к определенному поведению в отношении других лиц.

При этом признается, что действия террористов совершаются для достижения не только политической, но и иных значимых целей.

В приведенных случаях авторы не всегда точно определяют основные признаки преступного терроризма или не совсем удачно их используют при конструировании дефиниции террористического преступления.

Так, определение террористического преступления у Т.Б. Исаевой неприемлемо потому, что:

во-первых, оно размыто, неточно и противоречиво; во-вторых, автор признает таковым *любое преступление против жизни и здоровья, совершенное общественно опасным способом, тогда как речь должна идти о преступлении против общественной, государственной или международной безопасности*; в-третьих, в нем имеется указание на то, что такое преступление *«сопряжено с публичным нагнетанием в обществе страха и безысходности»*, хотя сами действия террориста неопосредованно устрашают население и причиняют соответствующие тяжкие последствия; в-четвертых, *основные объекты уголовно-наказуемого терроризма* в данном определении обозначены *неполно и неточно*, о чем свидетельствует указание на направленность действий лица *«против существующего государственного порядка и государственной власти»*; в-пятых, обозначенная в определении цель принуждения принятия государственной властью решений в интересах террористов характерна не для всех видов террористической деятельности (например: в ст. 205 УК – «в целях воздействия на принятие решения государственными органами или международными организациями»; в ст. 206 УК – «в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника»); в-шестых, террорист может требовать принятия нужного решения от соответствующих субъектов *не только в своих «политических интересах», но и с целью достижения иных значимых для него целей*; в-седьмых, *терроризму не всегда присущ именно общественно опасный способ совершения преступления*.

Е.П. Емельянов, И.М. Ильинский и некоторые другие ученые [10, с. 39] также не всегда правомерно выделяют основные признаки терроризма. Так, нельзя согласиться с определением *публичности* как необходимого признака терроризма, поскольку при его совершении *лицо не всегда действует публично, демонстративно* (например, при захвате заложника, если он не сопровождается террористическим актом, террорист может действовать приватно, что вполне отвечает требованиям, закрепленным в ст. 206 УК) [12, с. 497]. Не вполне ясен и такой признак терроризма, как *общая опасность*, возникающая в результате совершения преступления.

Таким образом, терроризм в уголовном праве (преступления террористического характера) можно определить как *систему преступных деяний (действий) против общественной, государственной (национальной) или международной безопасности и общественного порядка, существующего в государстве правопорядка или миропорядка, устрашающих население и создающих опасность причинения тяжких последствий путем насилия, угрозы насилия или иного опасного принуждения, в целях воздействия на принятие решений органами госу-*

дарства, организациями и гражданами или международными организациями в политических или иных интересах террористов. Иногда эти интересы простираются столь далеко, что касаются перекройки границ ряда государств и даже всего миропорядка. Так, верховный вождь афганских талибов (террорист ваххабитского толка) мулла Омар призывает к уничтожению «неверных» в «священной войне» и открыто заявляет: «Мусульмане, объединяйтесь! Мы будем править миром!». Ни больше, ни меньше...

Учитывая особую опасность терроризма, отечественному законодателю необходимо пересмотреть свою позицию *относительно ненаказуемости недонесения (несообщения) о преступлении, по крайней мере, в той части, которая касается ответственности за недонесение (несообщение) о преступлениях террористического характера*. Речь идет об ответственности за попустительство, т.е. пассивное содействие совершению указанных особо тяжких преступлений. Так, еще в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в разделе III «О преступлениях государственных» предусматривалась ответственность за участие в преступлении против священной особы государя императора в виде подстрекательства, пособничества, укрывательства и доносительства (ст. 265), а также посягательство на жизнь, здоровье, свободу, честь и права наследника престола, супруги государя и других членов императорского дома и за участие в таком посягательстве в виде укрывательства и доносительства (ст. 266) [13, с. 240-325].

Получается парадоксальная ситуация: УК РФ (ст. 205.2) предусматривает ответственность за такие виды прикосновенности к терроризму, как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, но не устанавливает ответственность за недонесение (несообщение) о преступлении террористического характера.

Четко обозначившаяся однополярность мира, пренебрежение во многих случаях одной сверхдержавой общепринятыми нормами межгосударственных отношений и покровительство ею некоторым государствам, ведущих агрессивный курс в отношении международных организаций, других государств и народов, состояние террора, которое устанавливают и поддерживают внутри страны некоторые правящие режимы (государство против народа), – все это показывает актуальность криминализации на международном и национальном уровнях такой разновидности террористической деятельности как *государственный терроризм*.

Недавнее нападение израильских военных на т.н. «караван мира» (суда с мирным грузом для осажденных Израилем жителей Палестины (сектор Газа)), санкционированное на высшем уровне этого

государства, лишний раз напоминает о целесообразности такого предложения.

Требуют совершенствования и некоторые другие нормы действующего УК РФ, касающиеся, например, ответственности за террористический акт, «повлекший умышленное причинение смерти человека» (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК), или за захват заложника, если он повлек то же последствие.

Если законодатель для характеристики квалифицированного вида какого-либо преступления использует термины «повлекли» («повлекло», «повлекшие» и т.п.) какие-либо тяжкие последствия или причинили такие последствия, то речь идет о последствиях данного преступления, наступивших по неосторожности. Когда же в процессе совершения определенного преступления оно сопровождается или дополняется другим преступлением, совершаемым лицом умышленно, в статье Особенной части УК используется термин «сопряженное» («сопряженные» и т.п.) с ... «похищением человека» (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК), «изнасилованием...» (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК) и др. Выражение же «деяния... «повлекли» («если они повлекли») умышленное причинение смерти человека» (п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206 УК) выглядит пространно и неточно и способно вызвать затруднения в квалификации преступлений.

Так, при ознакомлении с последними уголовно-правовыми нормами возникает сомнение в том, что в них законодатель определяет ответственность за совокупность террористического акта (ст. 205 УК) или захвата заложника (ст. 206 УК) и убийство. Чтобы внести определенность в содержание указанных уголовно-правовых норм, законодатель должен был дать их в следующей редакции: «деяние ..., сопряженное с убийством». Убийство, как известно, – это «умышленное причинение смерти другому человеку» (ч. 1 ст. 105 УК).

Когда нет конкретного уголовно-правового запрета на совершение тех или иных видов террористической деятельности или нет реальной возможности гарантировать такой запрет, позиции террористов укрепляются, а их идеология, оправдывающая террор как способ достижения благих, на их взгляд, целей, усиливается, особенно в той социальной среде, где скопилась критическая масса несправедливо обиженных людей и даже целых народов, а сил исправить положение дел цивилизованными методами у них не имеется. Последним успешно пользуется ваххабизм – самый массовый и, пожалуй, самый опасный вид международного терроризма, рядящийся в тогу защитников мусульман. Лживость этого сатанинского вероучения и человеконенавистной идеологии не скоро станет очевидной, пока есть почва для ее существования и распространения. Однако, как писал основатель ислама

Магомет (Муххамед), «ложь как та пена на воде, что исчезает высыхая, а то, что приносит пользу человеку, остается на земле».

Литература:

1. Терроризм в условиях глобализации // Государство и право. – 2007. – № 3. – С. 43-49.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2003. – 943 с.
3. Кожушко Е.П. Современный терроризм. Анализ основных направлений / под общ. ред. А.С. Тараса. – Минск: Харвест, 2000. – 448 с.
4. Новиков Г.В. Сильная стратегия слабых. Террор в конце XX века // Полис. – 2000. – № 1. – С. 171-130.
5. Ильинский И.М. О терроре и терроризме. – М.: Социум, 2001. – 74 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. IV. – М.: ГИС, 1956. – 683 с.
7. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л.М. Баш, А.В. Боброва, Г.Л. Вечеслова и др. – Изд. 8-е, стер. – Москва: Цитадель-трейд: Вече, 2006. – 959 с.
8. Кабанов П.А. Политический терроризм. Криминологическая характеристика и меры сдерживания. – Нижнекамск: МГЭИ, 1998. – 40 с.
9. Исаева Т.Б. Основные дефиниции терроризма // Российский следователь. – 2008. – № 21. – С. 7-10.
10. Комарова М.А. Терроризм в уголовном праве России: Дис. канд. юрид. наук. – М., 2003. – 297 с.
11. Емельянов Е.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. – СПб: Юридический центр Пресс, 2002. – 291 с.
12. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 576 с.
13. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи империализма и буржуазно-демократических революций. / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Изд-во Юридическая литература, 1994. – 352 с.

Terrorism in Criminal Law: Definition, Legislative Regulation and Some Aspects of Legislation Improvement

B. Sidorov

The Kazan (Volga Region) Federal University

V. Kirshin

Investigatory management of Investigatory committee at Office of Public Prosecutor of the Russian Federation on Republic Tatarstan

The article studies some topical and debatable issues of the problem of terrorism existing in criminal law, namely definition of the main terms often used during the process of the problem discussion, their reflection in criminal and other federal legislations, regulation of terrorist activities in the Criminal Code of the Russian Federation, systematization and classification of crimes associated with terrorism, improvement of counter-terrorism legislation, creation of a new definition of terrorism and crimes associated with terrorism.

Key words: terrorism, political, international and state terrorism, terror, terrorist activities, crimes associated with terrorism, support of terrorist activities, national and religious extremism,

